

И. Анненский о "Шекспире с Офицерской" (К 150-летию со дня рождения Л.Н. Андреева)

9 августа 2021

Леонид Николаевич Андреев был очень популярен в первом десятилетии 20-го века. Причем мода на него сложилась стремительно, в считанные годы от первых публикаций. Конечно, это не могло пройти мимо И.Ф. Анненского. Но популярность и мода для него были только фон, хотя и вполне осязаемый. Прежде всего надо иметь в виду Анненского — читателя и мыслителя, отражавшего с чуткостью камертона выдающиеся творческие проявления от древних эпох до современных ему дней. Потому одним из его "отражений" явилась статья «Иуда, новый символ», посвященная повести Андреева «Иуда Искарот и другие» (1907). В ней Анненский отдает должное Андрееву как великолепному иллюстратору и мастеру "моментального снимка". Ему близко то, что писатель полюбил и изобразил "природу не-я", что "его мысли, как больные сны, выпуклы", он поражается "эффектами его выжженностей и обугленностей". Анненскому по душе и это:

"Андреев не бережет, а напротив, с особой радостью рушит привычности, а взамен заставляет меня искать в мире новых сцеплений и слитий, наподобие тех, которые так прихотливо слагаются вокруг меня вечером из отовсюду нахлынувших теней."¹

Более того, Анненский пишет о своем восхищении в одном из вариантов автографа. И завершает статью ярким абзацем о "животностях", накопившихся "в нежной душе художника" Леонида Андреева, и преобразившихся в его "муку", "безобразие", "неразрешимость", которые на самом деле являются *нашими*.

Однако статья-"трилистник" во «Второй книге отражений» — это только часть сложного отношения Анненского к творчеству Андреева, с которым он был знаком уже ко времени подготовки доклада о Бальмонте (1904). И впечатления были совсем другие:

"Третьего дня наткнулся на «Шиповник» и занозил мозг «Жизнью человека». Вещь неумная, а главное, вымученная. Совершенно не понимаю, для чего было ее писать, а еще менее, зачем было тратить тысячи на ее постановку? Если так нужен был этот лубочный дидактизм — то не проще ли было взять любую притчу или пролог. Разве не дадут они гораздо более глубоких контрастов (напр., богач и Лазарь), — я уже не говорю о более трогательной поучительности и более чуткой морали. Вместо всех бесцветных старух, людей в сером и т. д. насколько символичнее было бы гноище Иова и сиреневые крылья серафима с глубокими черными глазами и нежным овалом лица..."
(Письмо к Е.М. Мухиной от 8 марта 1907 г.²).

В этой эпистолярной откровенности обращает внимание упоминание театральной постановки В.Э. Мейерхольда в театре В.Ф. Комиссаржевской на Офицерской улице, премьера которой состоялась 22 февраля 1907 г., как иллюстрация скептического, а порой и раздраженного, отношения Анненского к театру его времени. Известно, что пьесы он предпочитал читать, а не смотреть. И свои пьесы писал более в расчете на чтение (оттого, может быть, и поставлена была только одна из них и единственный раз до сего дня).

Через год, 1 марта 1908 г., Анненский благодарит критика А.Г. Горнфельда за присылку им своей книги³ и замечает:

"Мне кажется, что относительно Л. Андреева мне удалось проследить за некоторыми переборами в Ваших отзывах на его творчество."⁴

Значит, Анненский внимательно прочитал повесть «Красный смех» и рассказы писателя («Бездна», «Тьма» и др.). А в письме к той же Е.М. Мухиной⁵, написанном на следующий день, есть обмолвка о "неоживших Елиазарах", отправляющая нас к рассказу Андреева «Елиазар»

(1906). Это упоминание не случайно, как и всегда у Анненского; он наверняка с особым интересом читал новую вариацию библейской притчи, являвшуюся ключевой в романе Достоевского «Преступление и наказание». Как раз в это время он продумывал статью «Искусство мысли: Достоевский в художественной идеологии», в которой написал: "В кособокой желтой комнате, правда, уже читают о воскрешении Лазаря...". А в статье «Мечтатели и избранники» Анненский заметил о Раскольникове, которому в борьбе с жизнью "уже мерещится Лазарь"⁶. Может быть, рассказ «Елиазар» стал дополнительным поводом к сопоставлению с Достоевским в уже написанной, видимо, статье об андреевском Иуде. Думается даже, что в "неоживших Елиазарах" кроется полемика с художественной мыслью писателя, закреплённая Анненским в своем стихе про "Лазарей, забытых в черной яме" («Вербная неделя», написано к апрелю 1907 г.).

Так получилось, что последняя законченная статья Анненского также была посвящена творчеству Андреева. Это отклик на посещение спектакля по пьесе «Анфиса» и, прежде всего, на саму пьесу. 6 октября 1909 г. родственница Т.А. Богданович приглашала: "Не пойдешь ли ты в субботу 10-го на первое представление «Анфисы» Андреева. Мы собираемся целой компанией..." (жаль, что до сих пор опубликован только этот фрагмент письма⁷). Анненский пошел, причем вместе с редактором журнала «Аполлон» С.К. Маковским:

"Вспоминаю, как я был с Анненским на спектакле «Анфисы» в Александринском театре. Он воспринимал эту мелодраматическую пьесу с заразительным волнением и так убеждающе комментировал её драматическую символику, что я решил "пересмотреть" мое отношение к автору <...>"⁸

Источник изображения: <http://ateatr.sptl.spb.ru/tp/journal-ot/ot-1909/>

Память Маковского подвела: премьера спектакля состоялась в том же театре на Офицерской, когда он уже не был театром В.Ф. Комиссаржевской и назывался Новым драматическим театром. Но воспоминания Маковского важны в другом:

"Анненский был исключительно независим и терпим. Ничего общего не имея с поколением писателей, к которому сам принадлежал по возрасту, увлекаясь «новизной» начала века и глашатаями модернизма, он был отзывчив и ко многому из того, что молодежь зачеркивала одним росчерком пера как отсталость и дурной вкус (все печатавшееся издательством «Знание» и большую часть того, что издавал «Шиповник», т. е. в первую очередь литературу, отзывавшуюся бытом). Так, например, он высоко ценил Леонида Андреева; последняя, предсмертная его статья была посвящена Андрееву (никогда, насколько мне известно, не появилась она в печати, вероятно, погибла в архивах упраздненного в начале 1918 года «Аполлона»)"⁹.

Понятно, что здесь много субъективного, но с отмеченной высокой оценкой Анненским творчества Андреева нельзя не согласиться; иначе вряд ли бы его рука потянулась к перу, при его-то занятости, чтобы зафиксировать впечатления. Более того, из слов Маковского следует, что статья-рецензия была написана для журнала и, может быть, по заданию редакции. Только Маковский так и не узнал, что кто-то сразу после похорон Анненского поместил статью в

фантомной газете «Голос Севера»¹⁰. И благодаря этому мы знаем этот замечательный текст (в архиве Анненского сохранились только черновые наброски).

Но вернусь к пьесе Андреева «Анфиса». В 1909 г. к ней обратились сразу несколько режиссеров (в подтверждение слов о популярности Андреева выше): В.И. Немирович-Данченко в Московском художественном театре, А.Я. Таиров в Русском Драматическом театре в Риге, Н. А. Попов в Киеве¹¹. В Петербурге — А. А. Санин в Новом драматическом театре. Петербургская постановка была наиболее близкой авторскому замыслу и наиболее успешной. «Анфиса» шла в театре каждый день до 26 ноября. Добавлю, что вместе с ней повторялся спектакль «Дни нашей жизни» (25 октября, утром), а с 27-го ноября стартовало представление пьесы «Анатома». Так что не случайно Анненский определил Андреева "Шекспиром с Офицерской". Его имя было в Петербурге кругом — и в печати, и в разговорах.

Здание Театра на Офицерской не сохранилось. Сегодня на его месте (ул. Декабристов, 39) — площадка перед новым Концертным залом Мариинского театра. Изображения предоставлены *Н.К. Цендровской*.

Рецензия Анненского «Театр Леонида Андреева» получилась предельно откровенной и жесткой, с обостренной иронией. Как бы продолжая делиться впечатлением с Маковским о

"мелодраматической пьесе" (кажется, что и обращается к нему в 4-й части статьи), он находит ее мелодраматичность очень "своеобразной". Пьеса, конечно, противопоставлена «Трем сестрам» А.П. Чехова. Анненский видит в Андрееве "органически чуждое чеховщине дарование". Даже — "липкой чеховщине". И то, что "Андреев желчен, он — мистик и фаталист", Анненскому явно ближе. В связи с этим вспоминается написанное им о Лермонтове¹². Однако ирония Анненского распространяется и на "фатум". Вариант истории о сестрах Андреева ему интереснее, он видит в нем "что-то более сложное", он отмечает, что "«Анфиса» интеллектуальна, она тревожна, требовательна", а это для Анненского всегда предпочтительнее. Но в своем предпочтении он не скрывает настороженности, сомнения, "недоразумения" и по отношению к "величайшему искусству" Леонида Андреева.

Этот отзыв не просто рецензия, это еще одно "отражение" Анненского. Он говорит об этом сам: "Я не знаю, думал ли Леонид Андреев что-нибудь, подобное здесь написанному". Он связал ее и с первой своей андреевской статьей "иудиной неслитостью". Его размышлениям не помешали "сценические эффекты", хоть он и "сердился на актеров". Интересно сопоставить его рецензию с репортажем газеты:

"В наших театрах — "совсем как в Париже". Каждый театр имеет свою пьесу, которую ставит изо дня в день. Уже нет театров «Нового драматического», «Буффа», «Екатерининского», «Литейного». Есть: театр «Анфисы» <...>. Публика ходит, смотрит, и, очевидно, довольна. Рецензенты недоумевают: наибольшим успехом у публики пользуются, точно назло, те именно пьесы, которые ими наиболее разруганы. <...> "Анфиса разругана всеми и... идет ежедневно при прекрасных сборах. <...> Где секрет? Почему у публики имеет успех как раз то, что на первом представлении провалилось? Не объясняется ли это тем, что мы, рецензенты, смотрим всегда самые худшие спектакли — первые?"

На днях, например, я смотрел вторично акт «Анфисы» и начинаю думать, что если бы все рецензенты собрались снова прослушать пьесу, то критика о ней была бы совершенно иного типа. Пьесы не узнать. Все авторские "лапсусы" и кляксы вытравлены. Все, что вызывало недоумение, казалось ненужным, сглажено, вычеркнуто. Уж никто в зале не хохочет, когда надо плакать. И никто не плачет, когда надо смеяться. Как это бывает на плохих спектаклях."¹³

Думаю, вряд ли второй просмотр спектакля Анненским что-то поменял бы в том, что он написал. Ведь его статья прежде всего о пьесе.

К сожалению, об анненских "отражениях" творчества Андреева написано немного¹⁴. А исследовать есть что. Например, заманчивую тему об отношении Анненского к мистическому ("один благородный — мистический, — не суеверный, а мистический страх", в статье «Театр Леонида Андреева»). Она "занозила мозг" члену Ученого Комитета Министерства народного просвещения настолько, что даже в одном из последних служебных докладов¹⁵, писавшихся одновременно с откликом на «Анфису», он упомянул о мистицизме, который "тревожит угрюмым колоритом творений Леонида Андреева".

¹ Анненский И. Книги отражений. М., "Наука", 1979. С. 152.

² Анненский И.Ф. Письма: В 2-х т. / Сост., предисловие, коммент. и указатели А.И. Червякова. Т. II: 1906–1909. СПб.: Издательский дом "Галина скрипит"; Издательство им. Н. И. Новикова, 2009. С. 127.

³ Горнфельд А.Г. Книги и люди: Литературные беседы: I. СПб.: Жизнь, 1908.

⁴ Анненский И.Ф. Письма: В 2-х т. Т. II: 1906–1909. С. 187, 190.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Анненский И. Книги отражений. М., "Наука", 1979. С. 128.

⁷ Там же. С. 630.

⁸ Маковский Сергей. Портреты современников: Портреты современников; На Парнасе "Серебряного века"; Художественная критика; Стихи / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Г. Домогацкой, Ю.Н. Симоненко. М.: "Аграф", 2000 (Нью-Йорк, 1955). С. 158.

⁹ Там же.

¹⁰ Голос Севера / ред. И.П. Павлов. – Санкт-Петербург, 1909. № 1. С. 3.

¹¹ Комиссаржевский Ф. С берегов Невы: (Петербургские впечатления) // Рампа и жизнь. 1909. № 35 (48).

29 ноября. С. 794.

¹² См. "Юмор Лермонтова" ("Вторая книга отражений").

¹³ *И. Осипов*. Досуги // Обозрение театров. 1909. № 885. 25 октября. С. 12. Этот отзыв противоречит впечатлениям Ф. Ф. Комиссаржевского, см. прим. 11.

¹⁴ См. список работ: *Анненский И. Ф.* Учено-комитетские рецензии. Выпуск III: 1904–1906 гг. Иваново, 2001. С. 188.

¹⁵ *Анненский И. Ф.* Учено-комитетские рецензии. Выпуск IV: 1907–1909 гг. Иваново, 2002. С. 345. (№ 215, на собрание соч. И.А. Бунина).